

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ В СССР КАК ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Игорь Макаров

Статья посвящена некоторым историческим аспектам отечественного государственного администрирования в контексте исследования социально-философских идей мыслителей славянофильского направления XIX в. Наряду с такими идеологическими доминантами, как антизападничество, этатизм и общинность, в теоретическом наследии славянофилов выделены три ключевые темы, в трансформированном виде нашедшие воплощение в государственно-административной практике СССР: «всесословное представительство», деbüroкратизация аппарата управления и государствообразующего народа. В сочинениях славянофилов обнаруживаются зачатки будущих принципов советского народовластия: соединение законодательной и исполнительной ветвей власти, пропорциональное представительство всех социальных общностей и групп страны, максимальное приближение административного аппарата к нуждам общества. Одним из аспектов кампании по борьбе с «низкопоклонством перед иностранщиной» и «буржуазным космополитизмом», развернувшейся в СССР в связи с началом «холодной войны», стало выдвижение на руководящие административные посты представителей русской и других славянских национальностей. Предлагается вывод о том, что на различных этапах советского государственного строительства актуализировалась та из перечисленных идей, которая наиболее соответствовала задачам каждого из этих этапов. Кроме того, идейные истоки беспрецедентной в мировой истории русской модернизации XX в. видятся автору в «резонансе» ценностных ориентиров большевизма и славянофильства.

Ключевые слова: государственное администрирование, славянофилы, большевизм, история СССР, социологические идеи.

Российская академия кадрового обеспечения агропромышленного комплекса,
г. Москва

The article is devoted to analyzing some historical aspects of Russian state administration regarded in the context of the study of social and philosophical ideas of Slavophile thinkers of the 19th century. Along with such ideological dominants of the Slavophile doctrine as anti-Westernism, etatism and community, the author of the article marks out the following three key themes in the theoretical heritage of Slavophiles which in transformed kind were realized in the state administrative practice of the USSR: "all-class representation", debüraucratization of the administrative apparatus and the state forming people. It is claimed that in the social-philosophical works of Slavophiles one could find the beginnings of future principles of the Soviet democracy: integration of legislative and executive branches of power, proportional representation in the government of all social communities and groups of the country, maximal adaptation of the administrative apparatus to the needs of society. It is shown in the article that one of the aspects of campaigns against "the servility to foreigners" and "bourgeois cosmopolitanism", which were launched in the USSR after the "cold war" had been unleashed, was the promotion of representatives of Russian and other Slavic nationalities to leading administrative positions. The author comes to the conclusion that at different stages of the Soviet state development the appropriate Slavophile ideas which could best suite the tasks of every stage were actualized. Besides it, the ideological origins of the unprecedented in the world history Russian modernization of the 20th century are seen by the author of the article as kind of "resonance" of the values of Bolshevism and Slavophilism.

Keywords: state administration, Slavophiles, Bolshevism, history of the USSR, sociological ideas.

Государственное администрирование как совокупность социальных институтов и управленческих практик по реализации исполнительно-распорядительных функций власти давно стало предметом рефлексии ряда школ отечественной социологии. Вклад одной из них – славянофильства – представляет интерес не только с исторической и социокультурной точек зрения, но и с позиций анализа политико-административного устройства современной России (которое по-прежнему во многом базируется на представлениях об обществе и государстве, сформированных в советский период).

До недавнего времени о таких идеологических доминантах СССР, почерпнутых из идейного багажа славянофилов (И.С. и К.С. Аксаковых, А.И. Кошелева, Ю.Ф. Самарина, А.С. Хомякова и др.), как радикальное антизападничество (понимаемое как антибуржуазность), общинность (понимаемая как коллективизм), этатизм (понимаемый как советский патриотизм), в российском научном сообществе было принято говорить преимущественно в негативной коннотации. Так, причисляя К.Н. Леонтьева к славянофилам, А.С. Ципко проводил прямые аналогии между леонтьевским оправданием зверств крепостного права с его государственно-патристическими результатами и апологетикой «самогеноцида» эпохи социалистического строительства [8]. Примечательно, что, напротив отрицая марксизм, наиболее бескомпромиссное крыло нынешних либералов на свой манер повторяет Г.В. Плеханова, считавшего «чисто дворянское мировоззрение» славянофилов чуть ли не идеологическим «знаменем» русского крепостничества [20, с. 45]. Однако научная несостоятельность подобных выводов была убедительно показана еще в 1940–1960-е гг. С.С. Дмитриевым, В.М. Штейном, А.А. Галактионовым, П.Ф. Никандровым и другими советскими учеными [3].

Если современные либеральные обществоведы представляют большевизм «законным преемником» славянофильства (в противоположность меньшевизму – «душеприказчику» западничества), то адепты консервативно-почвеннического направления социальной мысли, напротив, подчеркивают несовместимость этих идейно-теоретических доктрин. Советская «административно-командная система», утверждают они, целенаправленно ущемляла права и интересы прежде всего русских. Е.С. Троицкий на этот счет писал: «Весьма неблагоприятную обстановку для деятельности русских патриотов создавало национально-государственное устройство Российской Федерации, ее политическая структура. Политическая система РСФСР, сформированная в 20-е – 30-е гг., серьезно ограничила права русского народа, поскольку не была образована Компартия Федерации, Республиканский совет профсоюзов, Комсомол и т.д.» [7, с. 49].

Сегодня, особенно в свете неприкрытой гибридной войны «коллективного Запада» против России, акценты постепенно меняются, преодолевается односторонность оценок, политические спекуляции уступают место объективному научному анализу.

Позиция автора настоящей статьи одинаково далека от обеих представленных выше точек зрения. Отождествление целей славянофильского и большевистского проектов государственно-административного переустройства страны, безусловно, неприемлемо. Но, вместе с тем, полное

их противопоставление означало бы новую попытку поставить под сомнение единство и непрерывность истории отечественного общественно-научного знания, свести советский ее этап к безраздельно господствовавшей в 1990-е гг. концепции «идейного импорта», которая, по существу, низводила все богатство русской и советской общественной мысли до тривиального пересказа зарубежных теорий. Поэтому, принимая во внимание суждение П.А. Сорокина о большевизме как «славянофильстве наизнанку» [23], нам представляется возможным выделить несколько идейных ориентиров, заданных русскими мыслителями славянофильского направления, которые впоследствии нашли реальное воплощение в практике советского государственного строительства и администрирования.

Стоит отметить, что чрезмерное значение придавалось подчас внешней, символической стороне дела. Так, для многих знаковым стал уже перенос в 1918 г. административного центра нового государства из «вестернизированного» Петрограда в «патриархальную» Москву. Газета «Новая жизнь», издаваемая меньшевиками, с трудом представляла себе тогда «сочетание Тверской и народного комиссара Троцкого, Спасских ворот, где снимают шапки, и Зиновьева, московского купечества и мещанства, пропитанного истинно-русским духом, и интернационалистического Ц.И.К.» [4]. Однако поэт Н.А. Клюев смог разглядеть в главе Советской России ни много ни мало духовного владыку старообрядческого типа: «Есть в Ленине керженский дух, Игуменский окрик в декретах» [12, с. 98]. В сущности, это совпадало с оценкой Л.Д. Троцкого, объявленного «главным космополитом» той эпохи. Он первым среди большевистских лидеров написал о глубочайших национальных корнях Ленина [24, с. 234].

Так или иначе, уникальный социально-исторический феномен, который являла собой государственно-административная система СССР, сумел, на наш взгляд, не только вобрать в себя в трансформированном виде некоторые фундаментальные идеи славянофилов, но и наполнить их новым содержанием. Начнем с концепции соборности как «всесословного представительства», наиболее ярко представленной у А.И. Кошелева. Внимательно изучив практику русского земства, мыслитель приходит к однозначному выводу об ущербности, «недостроенности» представительской пирамиды: «Не могут местные земские учреждения надлежаще действовать, пока нет в их завершении одного общего земского учреждения. Не могут законы соответствовать общим потребностям, пользоваться уважением народа и строго им исполняться, пока они составляются только бюрократически» [14, с. 422]. Более того, кошелевский проект реформирования государственного управления предполагал соединение законодательной и исполнительной функций в едином органе высшей власти – «Общей земской думе». Необходимо, пишет он, «чтобы министры, лично или через своих товарищей, присутствовали в думе... с полным правом голоса. Этим способом многое разъяснится, что иначе потребовало бы длинной и пространной переписки; многое предупредится, многое тотчас разрешится, и что особенно важно и желательно, таким образом установится живая и непосредственная связь между правительством и думою – представительницею народа» [14, с. 402].

Таким образом, в сочинениях этого самобытного социального философа обнаруживаются зачатки принципов будущего советского народо-властия – от проектирования стройной вертикали советов и исполкомов, которую венчают Съезд депутатов и Центральный исполнительный комитет (а затем – Президиум Верховного Совета), до преодоления западного «разделения властей», не совместимого с советской управленческой моделью. Вспомним, что «полным правом голоса» в высшем законодательном органе СССР обладали все члены правительства – народные комиссары и министры, наделяемые одновременно и депутатскими полномочиями. Сверх того, данная модель наилучшим образом соответствовала государственно-институциональным представлениям русского крестьянского социума. «Советы были подобны общинному самоуправлению как форма непосредственной демократии и как локальная в своем низовом звене организация власти, к тому же и обладающая теперь государственными функциями», – указывали в этой связи Л.В. и В.П. Даниловы [2, с. 38].

Другой, не мене значимой, славянофильской идеей стало избавление Отечества от бюрократического гнета. Весьма характерно, что даже предшественники лоялистского дискурса нарождающейся русской социологии уже в пореформенную эпоху констатировали всецелую порочность сложившейся административной системы. В частности, К.Д. Кавелин прямо говорил о том, что «у нас нет ничего похожего на государственные учреждения, которые пользовались бы авторитетом и доверием страны» [11, с. 1076]. Народник В.В. Берви-Флеровский вообще рекомендовал всем тем, «кто хочет понять зловредность бюрократического режима во всем его объеме... внимательно перечитывать историю России» [10, с. 391]. Но наиболее жестким и последовательным критиком государственной чиновно-полицейской машины, сформированной в результате петровских реформ, оказался тогда кружок славянофилов. В статье «О служебной деятельности в России (письмо к чиновнику)» И.С. Аксаков называл ее «высшим выражением формализма»: «К какой стороне жизни не прикоснись, все формулирует она и, следовательно, все мертвит, ибо все живое боится формы и убегает» [9, с. 342]. На бесчинства бюрократии, одержимой «крепостническими похотями и законодательным зудом», сетовал тот же А.И. Кошелев [13, с. 374].

Ситуация не изменилась и десятилетия спустя. Социальные диагнозы, поставленные в начале XX в. непримиримыми идейными противниками – приверженцем консервативно-монархического порядка С.Ф. Шараповым и революционным социал-демократом В.И. Лениным, практически неотличимы друг от друга. «Самодержавие государя на глазах у всех обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника», – вынужденно признавал Шарапов [26, с. 415]. «Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России... Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции», – констатировал Ленин [16, с. 137].

Антибюрократическая идея, буквально «выстраданная» многими поколениями русских ученых и управленцев, в раннем СССР становится

новым приоритетом государственного строительства. Вследствие этого впервые в мировой административной практике появляется правительственный орган по «искоренению бюрократизма и волокиты» – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, имевший специальное Управление по улучшению госаппарата. Борьба с бюрократизмом объявляется «основной задачей органов советской юстиции» [15, с. 20]. В 1923–1926 гг. в учреждениях и на предприятиях страны действовали созданные по инициативе П.М. Керженцева, одного из основоположников отечественной социологии управления, ячейки общественной организации «Лига времени». В круг ее целеустановок входили оптимизация рабочего времени и делопроизводства, минимизация совещаний и иных формально-бюрократических процедур, ликвидация очередей.

Однако идущие из народных глубин антибюрократические тенденции 1920–1930-х гг. были сведены на нет фактическим воссозданием в 1940–1950-е гг. иерархической вертикали классового чиновничества, «скроенной» по западноевропейским образцам. Соответствующим стал и масштаб административной «экспансии»: если в 1939 г. в структуре Совнаркома Союза ССР было 34 народных комиссариата, то к 1952 г. в союзном Совмине насчитывалось уже 52 министерства и 29 главных управлений и комитетов, некоторые из которых превосходили по своим штатным расписаниям министерства. Не случайно Н.В. Романовский предлагает искать истоки болезненных трансформаций российского общества последних лет «не в революции 1917 г. и не в сталинской “революции” 1930-х годов», а в вышедшем из 1941–1945 гг. «послевоенном сталинизме» [6].

После победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, наряду с возрождением и усилением других державных традиций, особое звучание приобретает еще одна ключевая идея славянофильства – государствообразующего народа. В организационно-кадровой политике она находит свое выражение в приоритете представителей славянских национальностей при выдвижении на руководящие административные посты. С.Д. Баранов и Д.В. Конов справедливо подчеркивают, что «в сталинский период большевики заменили идеологически господствовавший в Царской России триединый проект (великороссы, малороссы, белорусы) на проект советского народа, который был идеологически и практически более для них приемлемым, но по национальному содержанию выражал ту же суть» [1, с. 54].

Данная политическая линия, с одной стороны, стала своеобразной реакцией сталинского руководства на антисоветскую и откровенно русофобскую истерию, раздуваемую в то время в США и Великобритании. С другой стороны, она отвечала извечным, идущим еще от петровской эпохи довольно расхожим представлениям о засилье во власти инородцев и необходимости противостояния ему. Один из основоположников славянофильства Ю.Ф. Самарин, обращаясь к историческому прошлому страны, писал о вполне понятных чувствах, которые встречали у русских «иноверные» порядки, вводимые при Э. Бироне и Петре III [22, с. 357].

В разгар кампании по борьбе с «буржуазным космополитизмом» и «низкопоклонством перед иностранщиной» официальная советская об-

пественно-политическая литература постепенно наполнялась идеологемами, которые вполне могли украсить журнал «Москвитянин» и другие славянофильские издания XIX в. Для наглядности достаточно сопоставить два текста. В 1857 г. А.С. Хомяков рассуждал о противоборстве двух идейных течений, одно из которых «открыто признает за русским народом *обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления*; другое... отстаивает обязанность постоянно ученического отношения нашего к народам Западной Европы и недавно высказалось *ex cathedra*, с крайней наивностью, в определении, что *учение есть ни более, ни менее, как подражание*» [25, с. 519]. В 1948 г. в научно-популярном очерке за авторством А. Панкратовой можно было прочесть следующее: «Русский народ, на который буржуазный Запад смотрел сверху вниз, как на народ недостаточно “цивилизованный”, показал всей своей историей и в особенности историей последнего тридцатилетия, что он способен идти во главе прогрессивных сил человечества» [19, с. 189].

Поэтому неудивительно, что к 1959 г. в партийных органах «русские имели преимущество на всех уровнях: их ИЭПР [индекс этнополитической репрезентативности. – И.М.] в низшем звене 1,27, в высшем эшелоне – 1,17, у нерусских – 0,69 и 0,80» [5]. В национальных союзных республиках по негласному кадровому «правилу» вторым секретарем ЦК Компартии (при первом секретаре титульной национальности) неизменно избирался славянин. «Славянофильский» курс в кадровой работе партийных и советских органов прослеживался столь явно, что после смерти И.В. Сталина Президиум ЦК КПСС вынужден был принять ряд постановлений по исправлению «перекосов в ленинско-сталинской национальной политике», широко используемых враждебными элементами, которые называли происходящее «политикой русификации» [21, с. 48–49].

Итак, очерченный нами круг идей, нашедших отражение в административной практике советского времени, свидетельствует о том, что, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, несовместимость социально-философских концепций славянофильства и большевизма, они вполне уживались в рамках одного социального проекта. Все сказанное позволяет сформулировать несколько основных выводов.

Первый. На различных этапах развития советской государственности в трансформированном виде были востребованы наиболее актуальные для каждого из них идеи философов-славянофилов XIX в. В 1920–1930 гг. преобладающее значение имели их представления о «всесословном представительстве» и необходимости радикальной антибюрократической реформы государственного управления. В 1940 – начале 1950-х гг. на первый план выходит идея о примате государствообразующего русского и других братских славянских народов (украинцев и белорусов).

Второй. Первые две из названных идей славянофильства нашли определенное применение в отечественном государственном администрировании советского периода не только в силу их соответствия давно назревшим общественным потребностям, но и, что немаловажно, совпадения с некоторыми концептуальными положениями государственной идеологии – марксизма. Таковы обобщающие опыт Парижской Коммуны 1871 г. формулировки К. Маркса об упразднении системы разделения

властей на законодательную и исполнительную, введении принципа «дешевого правительства», обеспечении ответственности и сменяемости чиновничества в любое время, исполнении общественной службы «за заработную плату рабочего», широком местном самоуправлении через собрания делегатов с императивными мандатами [17, с. 345]. Вместе с тем, во избежание некорректности трактовок, следует подчеркнуть: если марксизм рассматривал введение этих мер с точки зрения последовательной демократизации аппарата управления, то славянофильство, говоря словами «Коммунистического манифеста», скорее с позиций «феодалного социализма» [18, с. 448].

Третий. Нельзя вполне согласиться с Н.В. Романовским и другими сторонниками социологической концепции «институциональных матриц», полагающими, что «анализ периода 1945–1953 гг. показал несколько граней общности матриц дореволюционной, сталинской и современной России» [6]. Если иметь в виду не только институциональную, но и «ценностную» матрицу российского общества, на которой до сей поры основываются многие его государственные институты, нельзя не прийти к иному выводу. Аксиологическая составляющая учения славянофилов, несмотря на весь их верноподданический пафос, всегда находившаяся под подозрением у самодержавной власти, парадоксальным образом способствовала попытке прорыва за пределы формировавшейся на протяжении столетий национальной «институциональной матрицы». Россия «преимущественно могуча и крепка своим народным духом; а он хотя и пребывает в Русских вообще... однако постоянно крепко и коренисто живет он только в крестьянстве», – утверждал А.И. Кошелев [13, с. 360]. Уже то, что даже при «позднем сталинизме» многомиллионное крестьянство массово вовлекалось в деятельность как политических (парткомы и советы депутатов), так и административных (исполкомы советов, армия и милиция, комсомольские органы и т.п.) структур, общалось, пусть и формально, к методам гласной и коллегиальной выработки и принятия решений, иллюстрирует принципиальное, сущностное различие между самодержавным и большевистским «режимами». Кроме того, именно в сталинское правление был поставлен под сомнение такой элемент извечной русской «ценностной матрицы», как «приглашение варягов на княжение». Все это дает основание С.Д. Баранову, Д.В. Кононову и многим другим исследователям (автор настоящей статьи принадлежит к их числу) говорить о явном прогрессе русских как нации в Союзе ССР по сравнению с их положением в Российской империи. Иными словами, «резонансом» ценностей большевизма и славянофильства во многом и объясняется, по нашему мнению, та беспрецедентная русская модернизация, которая имела место в XX в.

Литература

Исследования

1. Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация. Современный портрет. М.: Миттель Пресс, 2009.

2. *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.
3. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983.
4. *Ковалева Т.В.* Из «разжалованной столицы...» (по материалам оппозиционной прессы 1918 г.) // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 35–49.
5. *Мионов Б.Н.* Становление национальных элит как фактор дезинтеграции СССР // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 33–46.
6. *Романовский Н.В.* Сталинизм и теория институциональных матриц // Социологические исследования. 2003. № 5(229). С. 132–140.
7. *Троицкий Е.С.* Возрождение русской идеи. Социально-философские очерки. М.: Исида, 1991.
8. *Ципко А.С.* Куда может привести Россию неославянофильство // Российская газета. 2008. № 4697.

Источники

9. *Аксаков И.С.* О служебной деятельности в России (письмо к чиновнику) // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 341–347.
10. *Берви-Флеровский В.В.* Азбука социальных наук. XIX век современной европейской цивилизации // Берви-Флеровский В.В. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 349–529.
11. *Кавелин К.Д.* Бюрократия и общество // Кавелин К.Д. Сочинения. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. С. 1068–1078.
12. *Клюев Н.А.* Есть в Ленине керженский дух // Клюев Н.А. Песнослов. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 98.
13. *Кошелев А.И.* Об общинном землевладении // Кошелев А.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 332–374.
14. *Кошелев А.И.* Общая земская дума в России // Кошелев А.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 375–423.
15. *Лаговвер Н., Мокеев В.* Суд и прокуратура в борьбе с бюрократизмом и волокитой / Ред. Н.В. Крыленко. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
16. *Ленин В.И.* К деревенской бедноте // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 7: М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 129–203.
17. *Маркс К.* Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 317–370.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
19. *Панкратова А.* Великий русский народ. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1948.
20. *Плеханов Г.В.* М.П. Погодин и борьба классов // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XXIII. М.: Государственное изд-во, 1926. С. 45–101.
21. Постановление Президиума ЦК КПСС «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999. С. 48–51.
22. *Самарин Ю.Ф.* На чём основана и чем определяется верховная власть в России // Самарин Ю.Ф. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 351–367.
23. *Сорокин П.А.* Заметки социолога: славянофильство наизнанку // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 30–32.

24. Троцкий Л.Д. О пятидесятилетнем (Национальное в Ленине) // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 233–236.
25. Хомяков А.С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Хомяков А.С. Работы по историософии. В 2 т. Т. 1. М.: Медиздат, 1994. С. 519–533.
26. Шарапов С.Ф. Одно государство и два народа. Кризис государственности // Катасонов В.Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьёв, С. Булгаков, С. Шарапов. М.: Родная страна, 2015. С. 410–415.

Makarov, Igor N. *State administration in the USSR as the realization of sociological ideas of Slavophilism*

References

1. Baranov, S.D., & Konov, D.V. (2009), Russian Nation. Modern Portrait, Mittel Press, Moscow (in Russian).
2. Danilova, L.V., & Danilov, V.P. (1996), Peasant mentality and community, in: *Mentality and Agrarian Development of Russia (19–20 centuries): Proceedings of the International Conference*, ROSSPEN, Moscow, pp. 22–39 (in Russian).
3. Dudzinskaya, E.A. (1983), *Slavophiles in Public Struggle*, Mysl, Moscow (in Russian).
4. Kovaleva, T.V. (2011), From the "demoted capital..." (on materials of oppositional press of 1918), in: *Noveyshaya Istoriya Rossii*, no. 2, pp. 35–49 (in Russian).
5. Mironov, B.N. (2021), The formation of national elites as a factor in the disintegration of the USSR, in: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 33–46 (in Russian).
6. Romanovsky, N.V. (2003), Stalinism and the theory of institutional matrices, in: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5(229), pp. 132–140 (in Russian).
7. Troitsky, E.S. (1991), *Revival of the Russian Idea. Social-Philosophical Essays*, Isida, Moscow (in Russian).
8. Tsipko, A.S. (2008), Where can Neoslavophilism lead Russia? in: *Rossiyskaya Gazeta*, no. 4697 (in Russian).